

Глава 24. Расставание

В непроглядной темноте маленькой деревянной хижины на кровати сидели двое — взрослый и ребенок. Их позы были почти идентичны, даже выражения лиц казались зеркальным отражением друг друга: оба обхватили колени руками и застыли. В этой вязкой тишине всё вокруг замерло, словно само время выбросило эту комнату на обочину, погрузив её в абсолютный покой.

Прошло немало времени, прежде чем старший шевельнулся. Он с трудом поднял голову и посмотрел на маленькую фигурку напротив:

— Он был моим единственным другом.

В тот же миг мальчик тоже поднял голову. Он оставался бесстрастным, а в его пустых глазах сквозила мертвенная тишина:

— Он тоже был моим единственным другом.

— Никто, кроме меня, не мог вернуть ему разум, — Лю Шаньчэнь прижал ладонь к груди. Там, под кожей, билось разбитое сердце — бомба замедленного действия, готовая взорваться в любой момент. — Но цена этого — смерть.

Ли Сычэнь повторил этот жест с пугающей точностью, словно его движения были скопированы и наложены на жесты Шаньчэня. Глядя на них, трудно было отделаться от мысли, что между ними существует связь, недоступная посторонним. По сути, они и должны были быть одним человеком.

— С самого рождения я живу, глядя смерти в лицо.

— Это верно, — Шаньчэнь вдруг горько усмехнулся. Подобные эмоции редко отражались на его лице. — Глядеть в лицо смерти, так и не коснувшись её.

В ту же секунду Ли Сычэнь так же горько усмехнулся. Он не подражал намеренно — это выходило само собой.

— Для тебя я давно мертв.

Договорив, он протянул руку и замер. Шаньчэнь тоже протянул ладонь. Они не коснулись друг друга, но взгляд старшего из спокойного медленно стал тоскливым. Казалось, человек, который всё это время был рядом, только что окончательно исчез у него на глазах.

— Снято! Отлично.

Режиссёр Лоувэн поднялся со своего кресла, на его лице играла довольная улыбка. Актерам не потребовалось взрывной экспрессии; в данном случае именно такая сдержанная, застывшая картина была идеальной.

Ли Сычэнь тоже улыбнулся. Это была его последняя сцена в этом проекте. На душе было беспокойно: горечь расставания смешивалась с тихой радостью. Он не знал, представится ли ему еще когда-нибудь шанс сыграть столь глубокую роль.

Лю Шаньчэнь первым спустился с кровати и протянул руку Сычэню:

— Карлос, подъем. Ты отлично справился.

— Спасибо, Брат Шаньчэнь, — Ли Сычэнь вложил свою ладонь в руку актера и, опершись на нее, встал.

— Кажется, с определенного момента слово «спасибо» я слышу от тебя чаще всего.

— Так и должно быть. Вы так добры ко мне, Брат Шаньчэнь, а мне и отплатить-то нечем, — Сычэнь замялся. — Вот и остается только благодарить.

Возможно, работа над этим фильмом и возможность прожить чужую, совершенно не похожую на его собственную жизнь, изменили его. Ли Сычэнь стал заметно серьезнее по сравнению с тем мальчиком, который только-только пришел на съемочную площадку. Теперь он понимал: пусть мир и полон хороших людей, каждый в нем борется за свое место, и ничего не дается даром.

В этот момент он окончательно утвердился в своем желании стать актером. И дело было не только в стремлении занять вершину на Олимпе шоу-бизнеса. Куда важнее был опыт: кино давало возможность прожить то, что никогда не случится с тобой в реальности. Это был лучший способ повзрослеть.

К середине дня Ли Сычэнь уже собрал вещи и был готов к отъезду.

— Карлос, надеюсь, нам еще представится случай поработать вместе, — произнес Карл.

Будучи одним из ключевых актеров второго плана, он оставался в проекте еще надолго. За время съемок их отношения с Сычэнем нельзя было назвать близкими, но и врагами они не стали.

— Да, — улыбнулся Сычэнь. — И я надеюсь, что однажды смогу тебя превзойти.

— Хм, — Карл вздернул подбородок, глядя на мальчика с притворным пренебрежением. — Такие вещи не делаются на словах. Если не будешь пахать как проклятый, тебе меня не догнать.

— Я знаю. И я буду стараться. Давай же приложим все силы.

Ли Сычэнь протянул руку. Карл, хоть и с неохотой, ответил на рукопожатие, и оба негромко рассмеялись. Это был их негласный уговор — биться до конца за место под солнцем.

Затем подошел Лэнс. Он не проронил ни слова, лишь сверлил Сычэня обиженным, полным тоски взглядом.

Сычэнь мысленно вздохнул. В его глазах Лэнс сам был сущим ребенком. Пришлось задрать голову и посмотреть ему в глаза:

— Господин Лэнс, я не подведу.

За этот месяц ему проще всего работалось именно с Лю Шаньчэнем, потому что тот всегда подыгрывал ему и направлял. Лэнс же, напротив, постоянно пытался сбить его с толку, но Сычэнь должен был признать: благодаря этим каверзам его актерское мастерство заметно выросло.

— Карлос! — Лэнс внезапно сгрел мальчика в охапку и крепко прижал к себе. — Я знал, что ты поймешь мои мотивы! — Он потерся щекой о макушку Сычэня. — Ты даже не представляешь, как мне было тяжело! Мне приходилось прикидываться злодеем, притеснять тебя, изображать изверга... Но всё это ради твоего же блага! Только так я мог пробудить твой потенциал. Слава богу, что ты это ценишь, иначе я бы просто умер от горя.

У Ли Сычэня дернулся уголок губ. Тяжело ему было? Ценит? У Сычэня возникло стойкое ощущение, что Лэнс изводил его исключительно из вредности и получал от этого колоссальное удовольствие. Он беспомощно посмотрел на стоящих позади людей, но те лишь синхронно покачали головами, давая понять, что тут они бессильны.

Сычэнь замер, глубоко вздохнул и, положив руку на голову Лэнса, тихо проговорил:

— Ну-ну, тише. Не расстраивайтесь так, всё хорошо.

— Я так и знал! Карлос, ты лучший!

Видя покорность мальчика, Лэнс вошел во вкус и принялся жаловаться на свою горькую долю с таким жаром, будто это его здесь третировали целый месяц. В конце концов, поскольку Сычэню пора было ехать, а остальным — возвращаться к работе, Лэнса пришлось оттащить общими усилиями.

Режиссеры были кратки: дали несколько наставлений и пообещали, что если подвернется подходящая роль, они обязательно о нем вспомнят.

Ли Сычэнь лишь вежливо кивнул. Он прекрасно понимал, что в этой индустрии фильмы, требующие восточных лиц, снимаются редко. Впрочем, с учетом того, как стремительно развивался Китай, его будущее отнюдь не казалось беспросветным.

Что касается Лю Шаньчэня, тот настоял на том, чтобы проводить его до машины, и сам понес багаж.

— Брат Шаньчэнь, — Ли Сычэнь поспешил за ним, чувствуя себя крайне неловко. — Давайте я сам.

Дерик был его лучшим другом, Ли Гоудань — союзником, Тётушка Чжан заменила ему родных, а Мишель была приемной матерью. Их забота была естественной. Но Лю Шаньчэнь... кроме того, что они оба были китайцами, их почти ничего не связывало. Такая бескорыстная доброта смущала Сычэня. Возможно, он действительно повзрослел и начал понимать, что долги благодарности — самые тяжелые, и не хотел злоупотреблять чужой опекой.

— Раз уж ты называешь меня братом, позволь мне оказать тебе эту маленькую услугу.

Шаньчэнь уложил чемодан в машину. При их первой встрече Карлос был дерзким и не слишком задумывался о последствиях, но со временем мальчик стал на удивление вежливым. Это даже немного огорчало Шаньчэня — он понимал, что это неизбежный путь взросления, когда ребенок начинает анализировать свои отношения с окружающими и выстраивать дистанцию.

— Ну хорошо. Спасибо.

Снова «спасибо». Шаньчэнь вздохнул, но спорить не стал, лишь потрепал Сычэня по волосам.

— Я обещал тебе подарок.

— А? — Ли Сычэнь удивленно вскинул голову.

— Что, думал, я тогда пошутил? Если я что-то пообещал, то обязательно сделаю.

Видя озадаченное лицо мальчика, Шаньчэнь невольно улыбнулся. Видимо, это и есть та самая судьба — в Америке полно китайцев, но никто из них еще не вызывал у него такого участия.

— Нет-нет, — Сычэнь замахал руками. — Я просто...

Просто ему редко дарили подарки. В его памяти таких моментов было всего два: когда Тётушка Чжан отдала ему лезвия, которые он до сих пор бережно хранил в надежде однажды увезти на родину, и когда Мишель устроила ему праздник на день рождения. Тот день он запомнил навсегда — он так разволновался, что не мог уснуть всю ночь.

Молчание Сычэня вновь выдало его чувства. Шаньчэнь погладил его по голове:

— Ладно, подарок уже в машине. Откроешь, когда доберешься до дома. Если сделаешь это сейчас, мне будет неловко, если тебе вдруг не понравится, — он редко позволял себе шутить, но сейчас случай был подходящий.

Однако Ли Сычэнь воспринял это совершенно серьезно. Он отчаянно затряс головой:

— Как такое возможно! Подарок — это прежде всего внимание. Если его подарили вы, Брат Шаньчэнь, мне он обязательно понравится!

Даже если бы вещь была ему не по душе, он бы никогда её не вернул. В глубине души он всё еще боялся: стоит отказаться один раз, и больше ему никто ничего не подарит.

— Ха-ха, Карлос, ну какой же ты еще ребенок. Я просто шучу. Ладно, машина скоро тронется, садись. Мы вряд ли увидимся в ближайшее время, но как только у меня выдастся свободное окно, я тебя навещу. Надеюсь, к тому времени ты станешь играть еще лучше.

График Лю Шаньчэня был расписан на годы вперед, но в этот раз он впервые сам заговорил о будущей встрече. Было ясно, что Сычэнь занял в его сердце важное место.

— Я понял, Брат Шаньчэнь. Но если вы будете слишком заняты, лучше не приезжайте. Это такой труд — летать туда-сюда, вам нужно больше отдыхать.

Один жил в Китае, другой в Америке. Даже при нынешнем развитии транспорта такие перелеты отнимали уйму сил.

— Хорошо. Ты тоже устал за это время, так что отдохни как следует.

Шаньчэнь не стал спорить о встречах, лишь мягко улыбнулся.

— Угу.

Ли Сычэнь забрался в машину и, прильнув к окну, долго махал рукой на прощание.

Когда машина отъехала достаточно далеко и вокруг воцарилась тишина, Сычэнь вдруг

почувствовал себя очень одиноким. Теперь, если им не повезет сняться в одном фильме, они увидятся нескоро. А шансы на такое совпадение были ничтожны.

Спустя какое-то время Сычэнь открыл стоящую у ног коробку.

Внутри лежал словарь, томик «Трехсот танских стихотворений» и стопка классических китайских романов. На полях каждой книги были аккуратные пометки на английском — написанные от руки пояснения. На самом дне лежала миниатюрная модель Великой Китайской стены.

Сычэнь взял фигурку в руки и внезапно прослезился.

«Спасибо».

Если цена за нынешнюю жизнь — отсутствие радости в первые десять лет, то он готов платить её снова и снова.

<http://bllate.org/book/17536/1705788>